

УСЛОВИЕ
БЕЗ ИМЕНИ

Кира Си

18+

Кира Си

Условие без имени

<https://litres.ru/74677663>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать ночей. Никаких имён. Никаких обещаний.

Алина остаётся рядом с Марком, чтобы спасти студию, и сама пишет правила, которые не собирается нарушать. Днём она для всех — безымянный исполнитель. Ночью ключ от номера стирает дистанцию быстрее, чем она готова признать.

Вивьен хочет вернуть Марка. Пресса хочет скандал. Инвестор хочет её бренд. А Марк хочет её так, будто договор уже не имеет силы. Только Алина больше не знает, что в его руках — защита или ещё одна покупка.

«Условие без имени» — история о ревности, тайне и близости, которую нельзя спрятать под чужим именем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кира Си

Условие без имени

Глава 1

Первое утро правила

Она не подписала в темноте.

Ручка так и осталась в пальцах, пока улица за тёмным стеклом редела, пока буквы её имени переставали быть ночными и становились просто буквами. Марк не сел. Не снял пальто. Когда она сказала «утром, не ночью», он кивнул и вышел так, будто ночь ещё могла начаться от одного лишнего слова. Дверь она закрыла сама. Ключ повернула на два оборота. Это не было отказом. Это было тем, что подпись, поставленная при выключенной лампе, снова стала бы телом, а не правилом.

До рассвета она не легла на стол и не легла на пол. Сидела в кресле у края, в пальто, и слушала, как дом остывает без витринного света. Чехол с льном стоял у двери, как человек, которого не пустили и не отпустили. Черновик с чужим именем она не перечитывала. Первый лист, уже с его подписью, лежал отдельно. Второй ждал. Тридцать пустых строк не стали короче оттого, что за окном посинело.

В шесть она встала, умылась над раковиной в углу, где

обычно смывала мел с рук, и открыла дверь до того, как он постучал. Он был на тротуаре. Не у стекла. Ворот ровный. Лицо после ночи, которую он провёл не здесь, и она не спросила где. Спрашивать было бы уже ночью, только при дневном свете.

— Входи, — сказала она. — До подписи не подходи к столу.

Он вошёл и остался у порога. Пальто не снял. Это она отметила и не похвалила вслух.

Ручка легла на бумагу легко, как ложится мел, когда уже решено, где резать. Алина не смотрела на него в эту секунду. Смотрела на строку. Мелкий абзац Веры она перечитала ещё раз, стоя: подпись недействительна, если это плата за студию. Студия уже жила на другом листе. Значит, чернила спрашивали только про ночи.

Она подписала.

Коротко, своим именем, тем, которое за этой дверью ещё можно было произнести и которое за следующей, закрытой, будет запрещено. Чернила чуть расплылись на дешёвой бумаге. Она не подула. Держала ручку, пока линия не стала сухой на вид, и только потом разжала пальцы.

— Теперь можно спрашивать, — сказала она.

— Ты подписала, — сказал он. Не вопросом. Чтобы не нарушить вчерашнее, даже задним числом.

— Тридцать. Не студию. Студию ты уже отпустил без меня, и я это не путаю с тем, что сейчас сделала. Если путаешь

ты, скажи до того, как мы выйдем. Я порву второй лист и оставлю первый.

— Не путаю.

Он всё ещё не подошёл. Она сама подвинула ему папку, не лист в руки.

— Вера ждёт подлинник до десяти. Я отнесу. Ты не несёшь. На улице мы не идём рядом. Если окажемся в одном холле, ты не здороваешься так, будто ночь уже была. Её не было. Первая начнётся, когда я скажу адрес и час. Не сегодняшним утром. Утро не крадёт счёт.

— Слышу.

— И ещё одно, пока имена можно. Я говорю это здесь, при открытой двери, чтобы потом не говорить в темноте, где ты слушаешь слишком хорошо и слишком поздно.

Она застегнула пальто. Папка легла во внутренний карман, к телу, не в его сторону.

— Публично мы никто. Это уже было написано. Я добавляю то, чего бумага не поняла. Близость только за закрытой дверью. Не в зале. Не на лестнице. Не в машине, где водитель не считается свидетелем, но считается человеком. Не в лифте. Не на расстоянии руки, если дверь не закрыта на ключ и не на нас. Стоять слишком близко тоже касание. Я не буду объяснять это второй раз.

Он смотрел на её рот, не на карман, где лежали тридцать ночей.

— Если окажусь ближе, чем можно, я отойду сам. Не жди,

пока скажешь при людях.

— Посмотрим, — сказала она. — Ты часто обещаешь рот раньше тела.

Она вышла первой. Он подождал, как она велела, и свернул не к её тротуару. Угол дома разделил их без сцены. Стекло за спиной осталось тёмным. Имя на нём ничего не продало. В кармане бумага грелась от неё, и от этого было и стыдно, и точно.

Контора Веры сидела на седьмом этаже дома, где пахло мокрой каменной пылью и где лифт помнил ещё тех, кто вошёл наверх совсем другие договоры. Алина приехала на одну минуту раньше, чем собиралась. Хотела успеть войти в кабину одна. Кабина открылась уже занятая.

Марк стоял у задней стенки. Не у кнопки. Пальто расстёгнуто, руки в карманах, как человек, который специально не занимается ими воздух. Кроме него никого. Зеркало напротив показывало его плечо и пустое место, куда ей предстояло встать, если она войдёт.

Отойти к лестнице означало признать, что бумага в кармане боится семи этажей. Она вошла. Нажала седьмой. Двери съехались медленно, по-стариковски, и закрылись с тем звуком, после которого уже не делают вид, что ты ещё на улице.

Кабина была узкая. Он стоял не на другом конце. На том, где зеркало кончалось и начиналась боковая панель, слишком близко к середине, слишком близко к ней. Между их ру-

кавами оставалось меньше, чем она назвала утром «расстоянием руки». Он не качнулся к ней. Не качнулся и от неё. Лифт тронулся, пол мягко ушёл, и это движение само подало её плечо к его плечу на ширину дыхания.

Ткань не встретилась. Тепло встретилося сразу.

Она почувствовала его так, как чувствуют открытую дверцу, не касаясь металла: пальто, под ним рубашка, под ней тепло, которое ночью не получило ни ритма, ни имени и всё равно стояло здесь, в общем ящике с кнопками. Его рука в кармане не вышла. Она видела это боковым зрением и ненавидела, что смотрит. Если бы вынул и придержал её на толчке, это было бы нарушением, которое можно назвать. Он не придержал. Он просто не отошёл к дальней стенке, хотя дальней стенкой в этой кабине было всё, что не она.

— Ты стоишь слишком близко, — сказала она тихо.

— Не касаюсь.

— Я сказала утром. Стоять так тоже касание.

Лифт прошёл второй этаж. Он не спорил. Сделал шаг в сторону, к панели с потёртыми кнопками, и шаг вышел короче, чем нужен был правилу: плечо ушло, жар остался. Между ними стало можно провести ладонь. Не больше. На третьем кабину качнуло. Его рука вышла из кармана сама, раньше мысли, остановилась в воздухе у её талии, не легла. Пальцы раскрыты. До пальто не дошли. Он увидел собственную руку так, будто она принадлежала вчерашнему листу, и убрал её обратно, медленно, без театра.

Алина не отстранилась. Отстраниться означало признать, что рука успела. Рука не успела. От этого было хуже. Тело помнило, куда эта ладонь ложилась, когда ей разрешали талию, и теперь достраивало вес, которого не было. Низ живота отозвался глупо, честно, не к месту. Она прижала локоть к папке в кармане, чтобы помнить, что утро не ночь.

— Ещё раз, — сказала она. — Не к стене. К правилу. Близость только за закрытой дверью. Эта закрылась не для нас. Здесь мы никто. Если качнёт снова, держись за поручень, не за воздух возле меня.

— Слышу.

Он взялся за поручень. Костяшки побелели не от усилия кабины. От того, что поручень был холодный, а она стояла в шаге, и шаг теперь был назван. Алина смотрела на цифры. Четвёртый. Пятый. В зеркале они всё равно были вдвоём: её профиль, его рот, расстояние, которое не выглядело враждой и не имело права выглядеть иначе. Если бы двери открылись сейчас, человек снаружи прочитал бы тишину быстрее любого договора.

На шестом лифт остановился без их воли. Двери разъехались. Вошла женщина с папкой толще их общей и с наушником в одном ухе. Кивнула в никуда. Встала между ними так, как встают, когда оба края уже заняты, и не извинилась, потому что извиняться было не за что. Для неё они были двое, которые не вместе.

Алина выдохнула. Марк смотрел на двери, не в зеркало.

Его рука на поручне не соскользнула к её стороне. Женщина пахла аптекой и говорила кому-то «я уже в лифте, не начинайте без меня», и эти чужие слова легли на них лучше всякой маски. Публично никто. Правило работало, пока в кабине был третий. Алина не была за это благодарна. Она была зла, что правило пришлось проверять телом до того, как высохли чернила.

Седьмой. Женщина вышла дальше, не их этаж. Двери снова съехались на один пролёт, и на этот пролёт он уже стоял у панели, а она у противоположного поручня. Между ними помещалась женщина, которой больше не было. Жара всё равно хватало. Алина чувствовала её на шее, там, где в зале когда-то выступали пятна, и подняла воротник не из-за сквозняка.

— Первая ночь не сегодня, — сказала она, пока кабина ползла последний этаж. — И не потому, что ты не коснулся. Потому что утро я не отдаю в счёт задним числом. Адрес скажу сама. Если придёшь раньше адреса, дверь не ночь.

— Я не приду раньше.

Двери открылись на площадку с линолеумом и табличкой Веры. Он пропустил её. Не ладонью. Отступив ещё на полшага, так что она вышла, ни разу не задев рукав. В холле пахло бумагой и чужим кофе, как в то утро, когда она читала опись. Сейчас в кармане лежало другое. Она не оглянулась, пока не оказалась у стола секретаря. Тогда оглянулась.

Он стоял у лифта, уже далеко, уже никто. Руки снова в

карманах. Рот закрыт. Не её именем, не кивком пары, не тем взглядом, которым в зале просят прощения при свидетелях. Просто человек, которому на этом этаже тоже было к юристу, и не вместе с ней.

Вера приняла лист без улыбки. Посмотрела на подпись, на дату, на мелкий абзац, который сама вписала, и кивнула.

— Живёт отдельно от первого, — сказала она. — Первая ночь в счёт не идёт, пока вы сами не поставите час. Этого в тексте нет. Я говорю вам, не ему. Если он решит, что лифт уже был началом, пришлите его ко мне. Я умею объяснять пороги людям, которые путают их с возможностью.

— Он не решил, — сказала Алина. — Пока. Утро я забрала себе.

Она вышла к лестнице, не к лифту. Семь пролётов вниз пахли пылью и холодным железом. В кармане тридцать ночей стучали о ключ от студии мягко, почти неслышно. Правило было произнесено дважды. Один раз при открытой двери. Один раз в ящике, где он стоял слишком близко и не коснулся.

Этого должно было хватить.

На площадке между четвёртым и третьим она остановилась, потому что ладонь ещё помнила воздух у талии, чужой, остановленный, не положенный. Тело не умело читать пустоту как отсутствие. Тело читало её как обещание двери, которой ещё не было.

Алина положила руку на перила, туда, где металл не был

его пальцами, и постояла, пока дыхание не стало дневным.

Первое утро правил кончилось не поцелуем и не отказом.

Расстоянием, которое он удержал.

И тем, что она уже знала: тридцать ночей начнутся не с того, как близко он умеет стоять. С того, закроет ли она дверь сама.

Глава 2

Ключ

Ключ он не вложил ей в ладонь.

Днём, у парапета, где между ними помещался чужой прохожий, Марк положил его на камень и отступил на два шага. Без брелока. Без номера гостиницы на бирке. Рядом узкая полоска бумаги: этаж, дверь, ничего, что можно было бы прочесть вслух при свидетелях. Он не подошёл ближе, когда она взяла. Пальцы её не встретили его пальцы. Металл был холодный и уже её.

— Час напишешь ты, — сказал он. — Если не напишешь, ключ можно выбросить. Номер от этого не станет моим.

— Не говори, где ты будешь ждать сообщения.

— Не буду.

Он ушёл первым, как уходят люди, которым в эту сторону и так нужно. Алина стояла, пока тепло ладони не передавалось железу. В кармане ключ стучал о ключ от студии и не становился им. Она не пошла в тот же вечер. Первая ночь не должна была начинаться с его жеста, даже если жест был оставлен на камне, а не вложен в руку. Она написала час, когда сама решила, что тело хочет не проверки, а двери. Коротко. Без имени. «Десять. Не раньше.»

Ответ пришёл одним словом: «Слышу.»

Номер без таблички помнил их молчание и не подавал ви-

да. Она открыла своим ключом. Лампа горела так, как она оставила бы её для кроя, не для гостя: жёстко, сбоку, без лести. Кровать была застелена чужими руками. Алина не стала её разбирать заранее. Села на край, сняла пальто и только тогда позволила себе почувствовать то, что сделала ещё дома.

Под платьем не было белья.

Не чулок в этот раз. Ничего. Ткань платья, тёмная, плотная с улицы и слишком тонкая изнутри, легла на голую кожу сразу, как только она вышла из своей двери, и всю дорогу напоминала о решении. На лестнице гостиницы шов скользнул между бёдер. В лифте, пустом, она стояла ровно и всё равно чувствовала, как прохлада кабины трогает её там, где обычно есть ткань. К тому времени, как ключ повернулся, она уже была влажной. Не от него. От того, что сама выбрала войти пустой под платьем и знать об этом раньше, чем узнает он.

Она не раздвинула колени, пока ждала. Сидела сомкнувшись, и сомкнутость только собирала жар. Платье пахло ею и немного утюгом. Между ног было горячо, скользко, чуть стыдно так, как бывает стыдно от точного поступка, не от ошибки. Она провела пальцем по внутренней стороне бедра, не доходя до себя, и убрала руку. Хотела, чтобы первое касание этой ночи было не проверкой, а его взглядом, когда она позволит.

Без пяти десять в коридоре легли шаги. Он не постучал раньше срока. В десять ровно костяшки коснулись двери два раза, коротко, как человек, который помнит, что час назна-

чала не она в его расписании, а она в своём.

Алина открыла и отступила. Он вошёл. Она закрыла сама. Ключ повернула при нём, два оборота, и положила на тумбу рядом с его, который он ещё держал в пальцах и который больше не был нужен. Щелчок замка был громче приветствия. За этой дверью близость наконец имела право быть. До неё не имела.

— Пальто, — сказала она. — На стул. Не на кровать.

Он снял. Руки не потянулись к ней. Стоял в рубашке и смотрел так, будто спрашивал, можно ли уже быть тем, кем его пустили. Она не дала ему этого вопроса вслух.

— До рассвета ни слова о студии, — сказала она. — Ни о стекле, ни о ткани, ни о листах, ни о том, что ты подписал утром и что я подписала после. Если скажешь, ночь кончается, даже если я на тебе. Даже если я не слезу. Ты встанешь и выйдешь. Счёт этой ночи сгорит. Остальные не тронешь, но эту я не верну. Повтори, что слышишь, и не добавляй темы, которую я только что закрыла.

— До рассвета не говорю о том, что ты запретила, — сказал он. — Если скажу, встаю и ухожу. Ночь не считается. Я не добавляю.

— Имена тоже. Это уже было. Я повторяю, потому что рот у тебя иногда помнит договор хуже тела.

— Не назову.

— Хорошо. Теперь смотри. Не подходи, пока не скажу.

Она взяла подол обеими руками и подняла платье до поя-

са. Не через голову. Так, чтобы он увидел сразу и только это: голые бёдра, голый низ, ничего, что можно было бы сдвинуть пальцем, потому что сдвигать было нечего. Свет лампы лёг между ног честно. Она знала, что блестит. Знала, что он видит, как ткань платья изнутри потемнела там, где тёрлась о неё по дороге. Не опустила подол. Держала его у живота и давала смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.